

— С 16 апреля по 3 мая 1976 года в Сочи проходила 4-я Международная школа по физике ионосферы, организуемая раз в три года Секцией ионосферы Межведомственного геофизического комитета при Президиуме Академии Наук. Председателем этой Секции бесценно числилась Наталья Павловна Бенькова, патриарх отечественной геофизики, а её заместителем являлся Лёша Данилов, с которым мы окончательно перешли на "ты" после его поездки в Калининград. Лёша и был фактически главным организатором Школы, а его правой рукой служила Лариса Абрамовна Юдович, учёный секретарь Секции, жена Фельдштейна, известного магнитосферщика, сотрудница лаборатории Зевакиной, сверстница Данилова, то есть в районе сорока лет в то время. Собственно, и все остальные ионосферные сборища - семинары, симпозиумы и конференции проводились при главенствующем участии Данилова и Юдович, но в сочинскую Школу они вкладывали всю свою душу, и это мероприятие заметно отличалось от остальных.

— Проводилась Школа традиционно в одном и том же месте - в Международном (тогда ещё Международном) молодёжном лагере (ММЛ) "Спутник", расположенном в устье речки Агура, впадающей в Чёрное море между Хостой и Мацестой. Теперь это место входит в состав Большого Сочи, на автобусе до центра города от "Спутника" минут 20-30 езды, а за час можно и пешком дойти если не до центра, то до дендрария во всяком случае. Время для проведения Школы выбиралось в апреле-мае или в октябре-ноябре, то есть либо до начала курортного сезона, либо сразу после его окончания, когда основная толпа отдыхающих ещё не нахлынула или уже скатилась, но погода была всё же достаточно приятной, и особо желающие могли даже купаться в море, температура воды в котором в это время бывала градусов 14-17.

— Основная идея Школы - чтение лекций по физике ионосферы ведущими учёными для молодых, начинающих специалистов, а также взаимное ознакомление с достижениями в смежных областях науки. Участники делились на три категории: высшая - лекторы, приближённая к ней - так называемые "приглашённые для дискуссии" - тоже из числа ведущих специалистов, и, наконец, основная толпа - собственно "школьники", для которых весь огород и городился. Школа считалась международной, так как на неё приглашались ионосферщики из соцстран, преимущественно из ГДР, сотрудничавшие с СССР в рамках проектов КАПГ (Комиссии Академий наук соцстран по Планетарной Геофизике) и "Интеркосмос".

— Отбор лекторов и приглашённых для дискуссии проводил оргкомитет, а в сущности - Данилов и Юдович при участии Натальи Павловны, к мнению и пожеланиям которой первые двое почтительно прислушивались, стараясь во всём ей угодить, но и свою линию при этом обязательно провести. Прочие в оргкомитете подчинялись энергичному напору первых двоих и авторитету третьей. Субъективизм при таком отборе был несомненный, но на то ведь они и активисты Секции, общественной организации, для проведения такого рода мероприятий и созданной.

— Слушателей на Школу направляли организации согласно количеству предоставленных им мест, определяемому опять же оргкомитетом, то бишь Даниловым с Юдович. Из калининградцев на предыдущие школы ездила только Алла Николаевна Суходольская. Теперь же наш научный авторитет вырос настолько (по крайней мере, в глазах Данилова и Юдович), что я оказался в числе "приглашённых для дискуссии", а, кроме того, обсерватории было выделено ещё три места для слушателей и университету - два. Каждому следовало выкупить путёвку в ММЛ стоимостью около 90 рублей (тогда, может, и меньше, потом с ростом инфляции росли цены и на путёвки), куда входило жильё и питание, причём жильё оплачивалось по авансовому отчёту как и обычная гостиница в командировках. С учётом того, что это - Сочи и кормили досыта, стоимость была вполне божеской.

— Итак, поехали: от обсерватории Кореньков, Саенко, Клименко и я, от университета

Медведев (от Латышева) и Воронков (от Никитина). Наша четвёрка летела самолётом. В Adlerovском аэропорту нас встретило лето и автобусы "Спутника". Поселились мы в одном номере, похожем, как и все остальные, на железнодорожное купе: спальня на откидных полках в два этажа, но вдоль одной стены. Тесно, но ещё есть отсек общего балкона, опоясывающего каждый из двух этажей здания пансионата. Туда можно было выносить столик, там мы загорали, любовались окрестностями, сушили купальные принадлежности, играли в шахматы и карты, пили, курили, разглядывали прочих участников Школы, гуляющих по территории или таким же образом торчащих на балконе.

Кореньков, Медведев, Саенко и я на балконе в "Спутнике", Сочи, 1976 г.

Я и Саенко на балконе в "Спутнике", Сочи, 1976 г.

—А бедному Володе Медведеву не повезло с самого начала. Он ехал поездом, пил в ресторане, а пиджак с документами и основной частью денег оставил в купе, где его и обчистили. В "Спутник" он приехал без денег и без путёвки. Всё же его поселили, а деньги на обратную дорогу прислала жена. Вскоре он повеселел и часто примыкал к нашей компании. С Воронковым же мы не контактировали по причине некоторой его странности и некоммуникабельности.

—Большую часть свободного времени я проводил... с Юрой Мальцевым, к великой моей радости оказавшимся в числе участников Школы. Юра жил вместе с Володиёй Власковым и ещё кем-то из ПГИ, но чаще находился у нас в комнате или на балконе, где мы с ним резались в шахматы, как, впрочем, и на пляже, играя по несколько партий в день, благо силы наши оказались примерно равными. С удовольствием Юра и наши ребята, особенно Володя Клименко, вели дискуссии на научные темы. Юре ребята понравились, и он им тоже. Политику же как-то совсем не затрагивали, без Славы на эту тему беседы и споры не разгорались, тем более, что мои калининградские коллеги были довольно равнодушны к этим проблемам, а нам с Юрой и так всё ясно было.

Клименко, Кореньков, я, Саенко и Юра Мальцев.

— От Юры я узнал, что с женой он разошёлся, но ещё не разведён и живёт по-прежнему с ней в одной квартире, малогабаритной к тому же: уйти некуда. Это было грустной новостью для меня - при всей внешней невыразительности его жены она казалась мне доброй и преданной Юре женщиной, и дочка симпатичная у них (последний раз я их видел, когда с Латышевым приезжал в Апатиты, и мы ходили в гости к Юре). Вот тебе и решил проблему раз и навсегда - вспоминал я когдатошний наш разговор с Юрой в электричке. Но что поделаешь? Похоже, что у Юры появилась другая женщина. После Школы он собирался остаться в Сочи отдохнуть, догулять отпуск и, кажется, ждал сюда её...

— Система занятий в Школе была устроена очень хорошо. В первую половину дня - с 9-ти до 13-ти - одна четырёхчасовая (с перерывами, разумеется) или две двухчасовые лекции, затем двухчасовой перерыв на обед и загорание, а с 15-ти до 18-ти - дискуссия по утренней лекции. Лекции читали доктора Данилов, Иванов-Холодный, Поляков, Фельдштейн, Гершман, Жулин, Грингауз, недавно защитившийся Казимировский и близкие к докторскому уровню кандидаты наук Кринберг, Власов, Ерухимов, Беспрозованная, Мизун, Часовитин - в общем, весь цвет физики ионосферы.

Тут надо отдать должное Данилову и Юдович - их субъективность была вполне объективной, лекции в большинстве своём были содержательными и интересными, дискуссии шли живо, темпераментно и порой затягивались сверх положенных сроков, когда лекционный зал требовалось освободить для использования по прямому его назначению - в качестве кинозала, огромного, между прочим, занимавшего большую часть здания так называемого культурного центра "Спутника".

Конечно, большинство публики ходило не на все лекции, одних интересовало то, других - другое, к тому же соблазняла прекрасная погода, по-настоящему летняя уже, море, бассейн, живописнейшие окрестности, спортплощадки, бары и всё такое прочее. Мы с Мальцевым были, пожалуй, самыми дисциплинированными слушателями. Судя по моим записям (а я тщательно конспектировал не только сами лекции, но и выступления в дискуссии), я пропустил лишь лекции Часовитина и Ерухимова, да и то лишь потому, что вёл в это время переговоры с Даниловым (по поводу всё того же договора) и с немцами по

их просьбе - рассказывал о наших работах. Коренькова и Клименко я тоже пытался заставить ходить на все лекции, но полного успеха не имел. А Саенко, так тот и вовсе предпочитал сидеть у себя на койке в комнате и выводить формулы, чем слушать лекции или загорать. От своих формул он и вечерами не отрывался, полностью игнорируя бушевавшие вокруг развлечения.

Галкин (СибИЗМИР), Чавдаров (РГУ), Бенькова (ИЗМИРАН), Андрей Михайлов (ИПГ).
Сочи, 1976 г.

Климов(СибИЗМИР) , Иванов-Холодный (ИПГ) и Авакян (ГОИ). Сочи, 1976 г.

Поляков (ИГУ), Авакян (ГОИ), Хазанов (ИГУ), Казимировский (СибИЗМИР) и Грингауз (ИКИ). Сочи, 1976 г.

Бенькова, Павлов (ИЗМИРАН), Кринберг (СибИЗМИР). Сочи, 1976 г.

Трахтенгерц, Бенедиктов, Гершман (все НИРФИ), Фельдштейн (ИЗМИРАН). Сочи, 1976 г.

Вагнер (Потсдам), Мизун, Осемян, Боголюбов, Кряжев, Власков (все ПГИ). Сочи, 1976 г.

Я и Юра Мальцев. Сочи, 1976 г.

Ну, а на лекции Данилова, Иванова-Холодного, Власова, Полякова наши ходили все - они были ближе других к нашей тематике. Правда, Валерий Михайлович своим докладом разочаровал (как признался потом Коля Климов: "Не подготовили мы Валерия Михайловича как следует") - много общих мест, мало свежих результатов. Но это дало мне повод выступить в дискуссии с довольно большим сообщением, чуть ли не с целым докладом, чем я и выполнил добросовестно свою роль "приглашённого для дискуссии".

Как всегда хорош, был Данилов, если не по существу излагаемого, то во всяком случае, по форме изложения, заунывен, но интересен Иванов-Холодный, напыщен Миша Власов, задавивший всех метастабильными частицами, по которым он готовил докторскую диссертацию, темпераментны спецы по полярной ионосфере Мизун и Антенна Семёновна Беспрозванная, раскатист Грингауз, пижонист Жулин - нет, не скучно было на лекциях, нисколько. Ну, а в свободное от лекций время скучать тем более не приходилось.

Участники Школы по физике ионосферы, Сочи, 26 апреля 1976 г.

(продолжение следует)

[Главная страница](#) — [Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)